

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Н. Д. Козлов

Политические культуры регионов
России: уравнение со многими
неизвестными

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kozlov_2008_4.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

Н. Д. Козлов

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ
ИЛИ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ?**

Россия относится к категории стран, обладающих значительным внутренним разнообразием, что неизбежно отражается на ее политической жизни. Это объясняет большой интерес к изучению региональных политических культур. И дело не только в том, что на них можно "списать", по выражению Ю. Пивоварова, неудачи демократизации общества [Пивоваров 2002:23-50], но и в их самостоятельной значимости, особенно очевидной при проведении сравнительных исследований [Rotberg 1999: 339-356]. Тем не менее попытки описать региональные политические культуры скорее обескураживают. Нельзя не заметить противоречия между существенными различиями регионального самосознания, исторического и политического опыта [Оуэн, Сникер, Фадеева 2000] и удивительным однообразием политической жизни. Во многом это объясняется базовыми характеристиками российской политической культуры, в основе которой лежат авторитаризм, этатизм, патернализм, пассивность населения и правовой нигилизм [Выборы-2003: Загадка регионов 2003; Туровский 2005-2006].

Современную политическую жизнь в стране, по мнению российских экспертов, характеризуют:

— гипертрофированная роль властных структур (чрезмерная громоздкость государственной машины предопределяет стремление к упрощению системы управления, унификации властных институтов и структур независимо от региональных исторических и культурных традиций);

— слабый уровень осознания населением своих политических и экономических интересов и прав, неразвитость и искусственность партийной системы;

— дефицит доверия властям всех уровней, а также гражданским институтам, подозрительность и низкий уровень толерантности в обществе.

На первый взгляд, в такой довольно жесткой и контролируемой государством социальной среде не может возникнуть значительное разнообразие региональных политических культур, особенно если учесть советское наследие. Уже первые исследования особенностей политического поведения и предпочтений российских граждан показали, что ключевыми факторами дифференциации выступают не региональная специфика, а различия базовых показателей уровня урбанизации, образования, возрастной структуры населения и влияния элит [Собянин, Суховольский 1995; Петров 1995; Гельман 2000; Петров, Титков 1997]. На основе анализа результатов выборов 1993-2003 гг. В. Колосов и Н. Бородулина доказали относительную независимость поведе-

КОЗЛОВ Николай Дмитриевич, научный сотрудник Центра геополитических исследований Института географии РАН.

ния электората крупнейших городов России и углубляющийся разрыв между политическими предпочтениями жителей региональных центров и сельской глубинки [Колосов, Бородулина 2004: 70-79].

"Управляемость" российской демократии — аргумент одновременно и "за", и "против" существования региональных политических культур. По определению М.Фишмана, "управляемая демократия" представляет собой систему давления власти на избирателя и навязывания ему определенного выбора при внешнем соблюдении демократических процедур [Фишман 2001]. Характерный признак "управляемости" региональных политических режимов — монолитность голосования. Политические ставки лидеров регионов прямо отражаются на результатах выборов. Это явно дифференцирует регионы и позволяет выделять группы с разным уровнем политической лояльности. Однако интегральные индексы управляемости голосования, рассчитанные Д.Орешкиной на основе данных семи избирательных кампаний 1995-2004 гг., свидетельствуют об обратном. Положение каждого региона на шкале управляемости зависит от выраженности в нем общих черт российской политической культуры, а не региональной специфики. Так, в первую двадцатку рейтинга попадают такие непохожие друг на друга территории, как Дагестан, Татарстан, Москва и Белгородская область [Орешкин 2001; Орешкин, Орешкина 2006:20-34].

В.Рукавишников, Л.Халман и П.Эстер, проверяя гипотезу ГЛалмонда и С.Вербы о значимости межличностного доверия при формировании активной демократической культуры участия [Almond, Verba 1989], пришли к заключению о важности не столько регионального, сколько возрастного измерения, различий в условиях социализации [Рукавишников, Халман, Эстер 1998; Рукавишников 2000:109-151; Inglehart 1990:34-38]. Данный вывод был поставлен под сомнение Г.Кертманом, который указал на неточность формулировки вопроса о межличностном доверии. Когда вопрос был переформулирован¹, оказалось, что уровни доверия в младших и старших возрастных группах выровнялись, а межрегиональные различия проявились [Кертман 2006].

9

Более определенные выводы о региональных политических культурах были сделаны Р.Туровским, выделившим *три идеальных типа голосования*: конформистский (за партии власти), левый и либеральный. Конформистский тип голосования наиболее характерен для этнической периферии, периферии и полупериферии на Русском Севере и частично для районов нового освоения на востоке. Левый тип характерен для сельской периферии, малых и средних промышленных центров на юге Центральной России, Южном Урале и в Западной Сибири. Наконец, либеральный тип голосования более развит в Москве и Санкт-Петербурге, в городах с населением более миллиона человек, а также в административных центрах северной половины европейской части России [Туровский 2002: 186-214].

Еще более определенно межрегиональные границы проводятся в исследованиях Н.Петрова и А.Титкова. Они разделили российские регионы по политическому поведению и предпочтениям населения на "твердые реформаторские", "умеренные", "неустойчивые", "консервативные" и "управляемые". Накар-

¹ В новой редакции вопроса акцент был сделан на доверии как "продукте" жизненного опыта, а не как абстрактной категории.

те электорального ландшафта отчетливо выделяются: 1) Московия; 2) Русский Север и Урал; 3) Европейский Юг и Юг Западной Сибири; 4) Кавказ; 5) Сибирский Север; 6) Средняя Сибирь и Юг Восточной Сибири; 7) Дальний Восток. Граница между электоральными Севером и Югом проходит по знаменитой "55-й параллели", что в огрубленной форме можно представить как границу между земледельческим Югом и промышленным Севером [Петров, Титков 2001, 2004]. Различия в политическом поведении жителей разных регионов исследователи объяснили особенностями социально-экономического уклада, историей и характером освоения территории, национальным составом населения и географическим положением, а также отношениями "центр-периферия", существенными в случаях Московии и Дальнего Востока.

" о.

Таким образом, интуитивно ясное представление о наличии региональных политических культур находит свое фактическое подтверждение. Но в поле зрения попадают скорее их общие черты, что заставляет говорить о *региональных вариациях единой российской политической культуры*. Голосование за те или иные партии, так же как и различия в уровне социально-экономического развития регионов, не дают сколько-нибудь "выпуклых" образов. Суть региональных политических культур остается туманной. Исключение составляют лишь национальные республики, и то в силу этничности, а не особых установок, убеждений, ценностей или моделей поведения людей.

НОВАЯ ПОПЫТКА ПОНЯТЬ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

10 Современную политическую ситуацию в России можно охарактеризовать как стабильную и защищенную на ближайшее время от потрясений. В стране уже седьмой год наблюдается устойчивый экономический рост, вместе с которым растут покупательная способность и уровень жизни людей. Российские СМИ, в значительной степени подконтрольные государству, больше не выступают с острой критикой власти. Ушли в прошлое конфликты между разными ветвями власти: Государственная Дума полностью поддерживает инициативы администрации президента. Отсутствует и сопротивление региональных элит. Региональные законы приведены в соответствие с федеральным законодательством, из уставов и конституций субъектов Федерации исключены положения, которые могли бы позволить сепаратистским движениям развиваться в правовом поле. Унифицированы формы региональных законодательных (представительных) органов власти и избирательные процедуры.

Все это, с одной стороны, значительно осложняет независимую политическую деятельность, сужает каналы обратной связи между властью и обществом, схематизирует их взаимодействие, но, с другой стороны, упрощает изучение региональных политических культур, поскольку позволяет отвлечься от влияния институционального фактора и сосредоточиться на поведенческих и ценностных ориентациях населения.

Можно предположить, что стирание институциональных различий в регионах выявляет специфику их адаптации к нововведениям. Искусственная унификация, навязывание единой структуры политического пространства теоретически могут затормозить процессы демократизации в одних регионах, повысив их политическую управляемость, и стимулировать активность в других, готовых оценить и использовать преимущества новой системы.

Если данная гипотеза верна, появляется дополнительное основание для анализа региональных политических культур. За прошедший с 2000 г. период накоплен обширный фактический и аналитический материал. В отдельную базу данных были объединены:

- итоги региональных выборов, прошедших в 2004-2006 гг. в 60 регионах России в соответствии с требованиями нового избирательного законодательства (анализ результатов выборов см. [Глубоцкий, Кынев 2003; Кынев 2004а, 2004б, 2005; Кынев, Любарев 2003]);

- индексы демократичности регионов, отражающие ситуацию 2000-2004 гг. (рассчитаны Н.Петровым и А.Титковым на основе экспертных оценок [Петров, Титков 2005]);

- интегральные индексы качества жизни и инновативности (рассчитаны Н.Зубаревич и представлены в "Социальном атласе российских регионов" [Индекс качества жизни б.г.; Индекс инновативности 2005]);

- данные опросов Фонда "Общественное мнение" в рамках проекта "ГеоРейтинг", в ходе которых выяснялось мнение жителей регионов по самому широкому кругу проблем [ГеоРейтинг 2003-2005];

- данные Всероссийской переписи населения 2002 г., позволившие уточнить численность и национальный состав населения регионов, условия жизни, изменения в уровне образования, "оседлость" и мобильность людей [Всероссийская перепись населения 2002].

Совокупность этих данных дает возможность сделать еще одну попытку интерпретировать и типологизировать региональные политические культуры.

ОРИЕНТАЦИЯ НА ДЕЙСТВИЕ И ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ЧТО ОТРАЖАЕТ СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ?

И

Основные характеристики региональных выборов, отмеченные многими экспертами, — пониженная явка избирателей и голосование за политиков, апеллирующих к местным проблемам. Обе эти особенности сохранились и при переходе к смешанной избирательной системе [см. Глубоцкий, Кынев 2003; Кынев 2004а, 2004б, 2005; Кынев, Любарев 2003].

Сравнение итогов федеральных и региональных выборов позволило сделать следующие выводы. Во-первых, общий характер голосования за "Единую Россию" в центре и в регионах совпадает, несмотря на колебания конкретных результатов. Партия власти выступает на местах тем успешнее, чем сильнее управляемость голосованием в регионе и легче предсказывается результат федеральных выборов. Во-вторых, наиболее востребованной в региональных избирательных кампаниях оказалась социальная тематика, что повысило шансы на успех партий, играющих на "левой" стороне политического поля. В-третьих, показатели протестного голосования на региональных выборах значительно превысили аналогичные показатели на выборах федеральных. Популярность голосования "против всех" побудила Государственную Думу в июне 2006 г. внести поправку в законодательство и под предлогом необходимости повышения ответственности избирателей исключить соответствующую графу из избирательных бюллетеней.

Однако при сравнении результатов региональных выборов с индексом демократичности регионов (ИДР) на первый план выходят иные особенности (см. рис. 1).

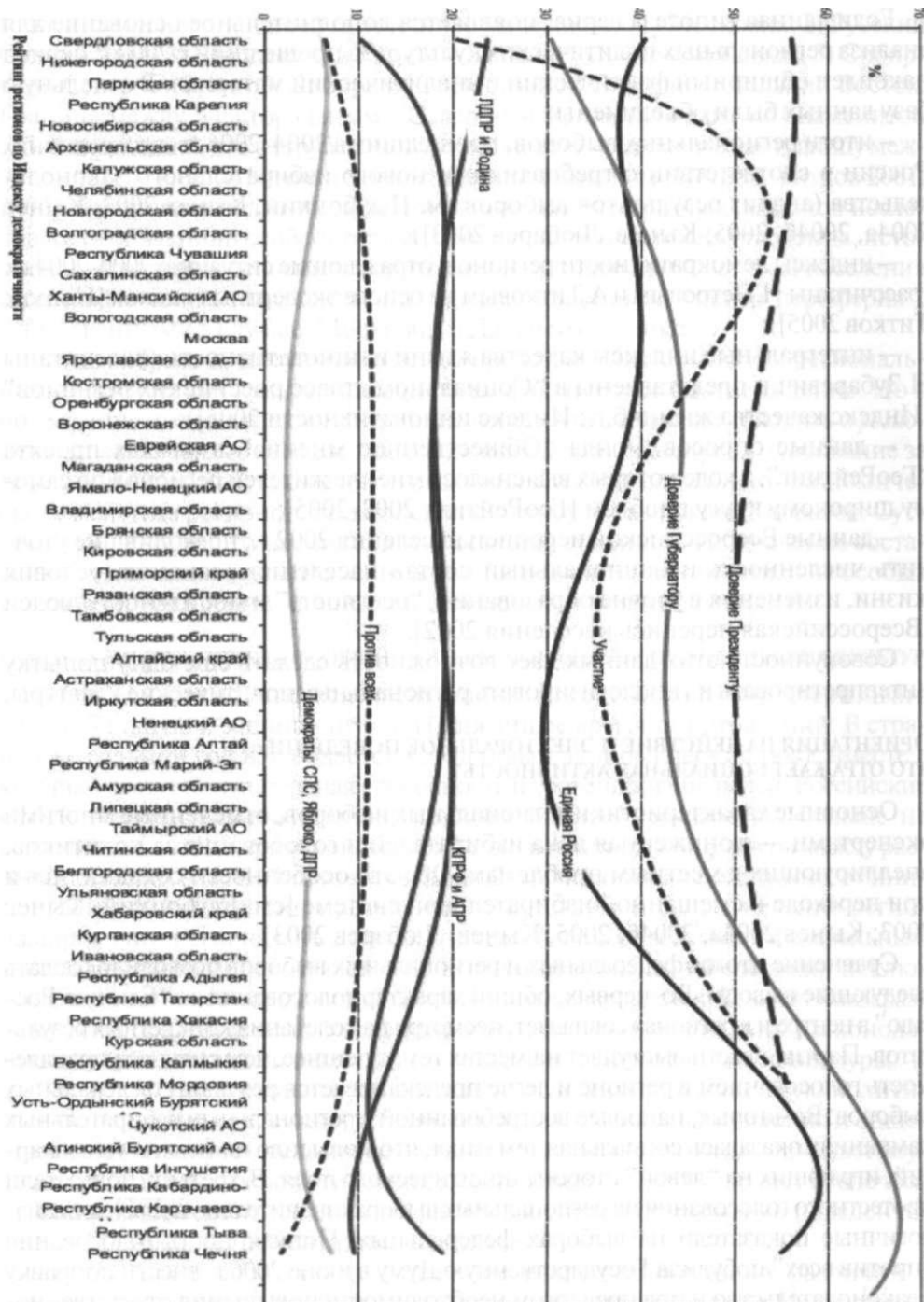

Рис. 1. Основные тренды результатов выборов в региональные законодательные собрания (регионы расположены в порядке снижения уровня демократичности)

Прежде всего, обращает на себя внимание *сходство тенденций в поведении лидеров и аутсайдеров рейтинга демократичности*. Поддержка партии власти на обоих концах спектра явно выше, чем в середине: доля поддерживающих на выборах КПРФ и АПР снижается, доля голосующих за демократические партии, ЛДПР и "Родину" слегка повышена, причем более демократичные регионы оказываются и более радикально настроенными. На концах спектра заметно различаются лишь такие показатели, как явка избирателей и уровень доверия губернаторам. Однако это имеет косвенное отношение к "доверию". Механизмы, заставляющие людей идти на выборы и голосовать заданным образом, связаны с властным принуждением, клановым или корпоративным подчинением, прямыми или косвенными выгодами.

Это предположение подтверждают и ценностные ориентации избирателей (см. табл. 1).

Таблица 1

Политические предпочтения и ценностные ориентации избирателей*

	Участие в региональных выборах	Избиратели "Единой России"	Избиратели КПРФ, АПР, ПП	Избиратели СПС, "Яблока", ДПР	Избиратели ЛДПР, "Родины"	Голосующие "против всех"
Доверие губернатору	0,25	0,53	-0,27	0,10	-0,35	-0,14
Предпочитают действующего главу региона	0,15	0,48	-0,23	0,17	-0,39	0,20
Доверие президенту	0,17	0,06	-0,17	-0,14	-0,31	-0,21
Участие в акциях протеста	0,01	-0,24	0,15	-0,10	0,20	0,21
Основные ценностные ориентации:						
Демократия	-0,08	0,09	-0,26	0,50	-0,12	0,09
Достаток	0,01	-0,15	-0,26	0,06	0,14	0,26
Закон	-0,15	-0,29	0,12	0,12	0,03	0,24
Права человека	0,01	0,01	-0,15	0,30	-0,23	0,30
Свобода	-0,05	0,23	-0,02	0,26	-0,25	-0,04
Семья	-0,17	-0,19	-0,07	0,26	-0,04	0,34
Справедливость	0,16	-0,04	0,14	-0,13	-0,29	0,11
Стабильность	-0,11	0,00	-0,26	0,34	-0,08	0,29
Личный успех	-0,27	-0,09	-0,22	0,34	0,00	0,35

* Коэффициенты парных корреляций рассчитаны по 62 показателям для 60 регионов, включая результаты выборов всех уровней 2003–2006 гг., индексы демократичности, качества жизни, управляемости голосования, статистические данные о социально-экономическом положении регионов, данные Всероссийской переписи 2002 г. и опросов ФОМ "ГеоРейтинг" за 2003–2005 гг.

Сторонников "Единой России" отличают конформизм и лояльность. Они не верят ни в "диктатуру закона", ни в права человека. По их мнению, единственное средство обезопасить себя и избежать неприятностей — следовать предписаниям власти, что дает им возможность спокойно смотреть в будущее. Доля подобных конформистов составляет в среднем по регионам от четверти до половины избирателей. Именно они во многом и определяют сходство региональных политических культур.

Избиратели КПРФ не доверяют никому, сильно сомневаются в ценности демократии, не принимают всерьез рассуждения о правах человека и действенности закона, ценят коллективные достижения выше личного успеха. Положение дел в стране вызывает у них чувства усталости и разочарования. Сохранение сложившейся ситуации этих людей не устраивает, поэтому они периодически участвуют в акциях протеста — правда, движут ими, скорее, безысходность и беспомощность, чем осознанная ориентация на активное политическое действие.

Демократически настроенные избиратели также никому не доверяют, хотя региональной власти верят все-таки чуть больше, чем федеральной. Они имеют ясное представление о демократических ценностях, ориентированы на личный успех, признают приоритет прав человека. Однако многие из них чувствуют себя в этой жизни довольно неуверенно.

Избиратели ЛДПР и бывшей "Родины" не верят никому и ни во что. Основные эмоции, которые они испытывают, — злость и раздражение.

14 Что касается голосовавших "*против всех*", то они не доверяют власти, но не считают нужным ее менять, поскольку это все равно ничего не изменит. Они разделяют основные демократические ценности, но не верят в их достижимость, не рассчитывают на помощь государства, ориентируются на себя и свою семью, стремятся заработать как можно больше денег, видимо, полагая, что только достаток может обеспечить их права. Движущие ими эмоции противоречивы и изменчивы — от беспокойства и неуверенности до возмущения и обиды. Поведение этой группы избирателей одновременно рационально и асоциально. Они демонстративно подчеркивают нежелание участвовать в политических играх и разделять ответственность за процессы, происходящие в обществе.

Региональные выборы показали разные образцы политического поведения. Тогда почему же мы наблюдаем поразительное сходство реакций "наиболее" и "наименее" демократичных регионов на новую систему выборов? Возможно, дело здесь в неучтенных факторах, например, таких, как низкая мобильность населения регионов, находящихся в начале и в конце рейтинга. В одних случаях это — этнические республики, в других — бывшие вотчины военно-промышленного комплекса. Так, поданным Всероссийской переписи населения 2002 г., доля лиц, живущих с рождения в Свердловской, Нижегородской и Пермской областях — лидерах рейтинга демократичности - составляет соответственно 72,2%, 83,4% и 81,2%. Такая "замкнутость" неизбежно накладывает отпечаток на политическую культуру, предопределяя ее консервативность и ориентированность на заданные образцы. В упомянутых регионах *безусловно чувствуют себя лично свободными* всего 10-12% опрошенных, а разделяют склонность к авторитаризму (убежденность в том, что *власть в России должна быть в руках одного человека*) более половины респондентов. Не случайно между характеристикой низкой мобильности и представлением о невозможности достичь успеха в жизни без помощи государства существует выраженная положительная связь ($r=0,55$).

Обращают на себя внимание *низкие показатели демократических партий в "демократичных" регионах, которые парадоксально улучшаются по мере понижения рейтинга демократичности*. Практически во всех регионах демократы значительно уступают радикально-патриотическим, прокоммунистиче-

ским или популистским партиям. Это и понятно. Ведь демократические партии были дискредитированы, поэтому за них голосуют только самые стойкие сторонники. Но тогда встает *вопрос о приверженности населения демократическим ценностям и о возможности существования демократии без демократов.*

Существующий на сегодня расклад политических сил в России оставляет демократам очень узкую нишу, при этом плоды их деятельности, направленной на формирование гражданского общества и информирование населения, пожирают другие [Голосов 2001, 2006]. Возникает вопрос, в какой мере насыщенность социальной и политической жизни в регионах — лидерах рейтинга демократичности, подтверждаемую многими индикаторами [Петров, Титков 2005; Вишневецкий 1998], можно интерпретировать как пролог "демократии участия", или следует говорить о мобилизованном сообществе [Ионин 2005]?

Удивляет и неожиданный *политический плюрализм* регионов, расположенных в середине списка и не отличающихся ни яркостью, ни активностью политической жизни. Законодательные собрания получились здесь наиболее представительными, по крайней мере, по формальным признакам. Данная группа велика и разнородна, поэтому нужно искать факторы, способные ее дифференцировать. Подход, в основу которого положена ориентация на политическое действие, такой возможности не дает. Его необходимо дополнить анализом базовых характеристик региональных сообществ, к которым относятся культурные традиции, социальная и политическая история, модернизированность и уровень жизни населения, владение современными навыками и техническими достижениями, а также ценностные ориентации, убеждения и установки.

15

КОМПОНЕНТЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ

Факторный анализ имеющихся данных позволил выделить шесть основных компонентов, составляющих региональные политические культуры (см. табл. 2): модернизация (F1), нигилизм (F2), морализм (F3), активность (F4), протестность (F5) и ислам (F6).

Таблица 2

Наиболее существенные аспекты региональных политических культур*

Индикаторы, характеризующие население регионов	F1	F2	F3	F4	F5	F6
Доля крупногородского населения (>250 тыс.)**	0,61	-0,08	0,13	-0,34	-0,06	0,16
Доля ВРП в секторе услуг и в науке на душу населения**	0,90	-0,13	0,08	0,12	0,04	0,13
Национальный состав, доля русских, 2002 г.***	0,10	0,60	0,06	0,00	0,25	-0,34
Доля лиц, живущих в регионе с рождения, 2002 г.***	-0,40	-0,04	0,04	-0,91	0,00	-0,04
Доля избирателей, принявших участие в выборах в региональные законодательные собрания	-0,24	-0,64	0,07	-0,13	0,08	0,15
Доля избирателей, проголосовавших за "Единую Россию" на выборах в региональные законодательные собрания	0,11	-0,72	0,05	0,11	-0,13	0,06
Доля избирателей, проголосовавших за КПРФ и АПР на выборах в региональные законодательные собрания	-0,18	0,18	-0,12	-0,14	0,02	-0,27
Доля избирателей, проголосовавших за СПС, "Яблоко" и ДПР на выборах в ГД РФ в 2003 г.	0,78	0,12	-0,13	0,30	-0,05	0,03

Продолжение табл. 2

Индикаторы, характеризующие население регионов	F1	F2	F3	F4	F5	F6
Доля избирателей, проголосовавших за ЛДПР и "Родину" на выборах в ГД РФ в 2003 г.	-0,01	0,75	-0,08	0,20	0,12	-0,02
Доля избирателей, проголосовавших "против всех" на выборах в ГД РФ в 2003 г.	0,39	0,30	0,18	0,29	0,20	0,21
Доля респондентов, чей месячный доход превышает 5 000 рублей на члена семьи ****	0,63	-0,03	-0,21	0,60	0,01	0,05
Доля респондентов, считающих, что российское общество не должно стремиться к тому, чтобы быть похожим на западное общество	0,18	0,78	0,14	-0,13	-0,03	-0,07
Доля респондентов, считающих, что выполнение гражданами обязанностей важнее, чем соблюдение государством прав граждан	0,04	0,30	-0,38	-0,09	-0,05	0,04
Доля респондентов, у которых из стран мира наибольшую симпатию вызывает Япония	0,13	0,07	-0,52	0,12	0,12	0,16
Доля респондентов, у которых ни одна страна не вызывает симпатии	-0,24	0,08	0,06	0,04	-0,07	-0,42
Доля респондентов, безусловно не чувствующих себя свободными	0,16	0,14	0,38	0,02	0,10	0,08
Доля респондентов, считающих, что люди могут достичь успеха без помощи государства	0,26	0,02	-0,24	0,48	0,58	0,13
Доля респондентов, стремящихся иметь как можно больше денег	-0,15	0,11	0,30	0,07	0,07	0,00
Доля респондентов, у которых при мысли о положении дел в стране возникают неуверенность, страх, беспокойство, беспомощность	0,26	0,03	0,56	0,01	0,30	0,09
Доля респондентов, у которых при мысли о положении дел в стране возникают уверенность, спокойствие, надежда, интерес, энергия	0,25	-0,61	0,14	-0,15	0,17	0,38
Доля респондентов, считающих себя неверующими	0,05	0,29	-0,90	0,11	0,15	-0,18
Доля респондентов, считающих себя православными	-0,04	-0,05	0,93	-0,25	-0,10	-0,23
Доля респондентов, считающих себя мусульманами	-0,08	-0,44	-0,10	0,09	-0,09	0,88
Доля респондентов, которые никогда не были за границей	-0,64	-0,28	0,14	-0,16	-0,07	0,06
Доля респондентов, которые никогда не пользовались современными услугами: интернетом, мобильным телефоном, банковскими услугами, фитнесом и т.д.	-0,59	-0,15	0,11	-0,12	0,01	-0,29
Доля респондентов, пользующихся иностранной валютой	0,86	-0,01	0,09	0,17	0,13	0,00
Доля респондентов, принимавших участие в акциях протеста	-0,05	0,12	0,12	-0,05	0,98	-0,06

* В таблице приведены факторные нагрузки, полученные в результате использования метода главных компонент на базе парных корреляций.

** Данные "Социального атласа российских регионов".

*** Данные Всероссийской переписи населения 2002 г.

**** Здесь и далее данные опросов ФОМ "ГеоРейтинг".

Ключевыми параметрами, описывающими фактор "модернизации", являются жизнь в большом городе — крупном инновационном центре, умение использовать преимущества, предоставляемые рыночной экономикой, современными технологиями и открытостью страны. Хотя понятие модернизации несет в себе позитивный заряд и распространяется на все стороны жизни, такие ее внешние проявления, как урбанизация, рост уровня образования и постиндустриальные

сдвиги в экономике не обязательно опираются на столь же глубокие изменения в социальной психологии. А. Вишневский назвал данный феномен "консервативной модернизацией", показав, как в советском обществе передовые научно-технические достижения сочетались с архаичными представлениями, нормами поведения и ценностными ориентациями [Вишневский 1998; Ахиезер 2002:51-76]. В нашем случае индикаторы модернизации показывают не только рост гражданской ответственности и осознание ценности демократии, но и распространение асоциальных форм политического поведения — меркантильного индивидуализма или нигилистической пассивности. Неоднозначность влияния модернизации на состояние общества не позволяет проводить прямую связь между "модернизованностью" и "демократичностью". Отклонения от оси модернизации скорее указывают либо на большую атомизированность локальных сообществ, либо на наличие традиционных внутренних — коллективных или клановых — связей.

Фактор "нигилизма" формируется такими переменными, как недоверие к власти, отказ участвовать в "бесполезных" выборах, негативное видение перспектив страны, ставка на радикальные политические силы, "сильное государство", а также представление об особом пути России. Обнаруживается достаточно выраженная прямая связь нигилизма с долей неверующих и обратная — с долей сторонников ислама. Нигилистические проявления коррелируют с популярностью шовинистических идей. Нигилисты категорически не поддерживают партию власти, но при этом полагают, что государство должно доминировать над обществом и *требовать от граждан соблюдения своих обязанностей*. Вариация значений факторов относительно оси нигилизма отражает различия между политической культурой радикальной оппозиционности и конформизмом, причем обе культуры могут сочетаться с активными или пассивными формами политического поведения.

12

Фактор "православного морализма" выводит на передний план вопросы веры и моральных принципов. Экономические и политические изменения в обществе ставятся в зависимость от "падения нравов". Однако вера в традиционные ценности — скромность, покорность, подчинение — сочетается со стремлением к материальным благам и меркантильностью. Отчасти это объясняется бедностью, поскольку между фактором морализма и долей относительно благополучных семей наблюдается обратная связь. Но объективная бедность сама по себе еще не определяет политическое поведение людей. Более значимо ее субъективное измерение, сравнение себя с другими. Проявления субъективной бедности — зависть и подавленность — не мотивируют человека на достижения, а заставляют его желать неудачи соседу [Левада 2000: 530-549].

В отличие от нигилистов, моралисты считают гарантии прав человека более важной политической темой, чем соблюдение обязанностей. Примечательно, что практически во всех российских регионах *права и обязанности* рассматриваются не как взаимосвязанные и равнозначные категории, а как альтернатива — либо одно, либо другое. "Неверующие" в большей степени привержены идее *обязанностей* ($\rho=0,57$), тогда как "верующие" стоят на позиции отстаивания *прав*. Безусловно, акцент на правах человека — важнейшая часть демократического дискурса, если только борьба за их соблюдение не вырождается в борьбу за групповые привилегии и "право на правоту", как это

происходит с русским православным морализмом. Он представляется крайне не консервативной, если не ретроградной, субкультурой, провоцирующей внутренние расколы и ослабление солидарности в обществе. Этой субкультуре противостоят рационализм и практицизм людей неверующих или исповедующих ислам.

Основная характеристика фактора "активности" — мобильность и адаптивность населения, т.е. умение заработать в новой экономической ситуации и опора на собственные силы. "Активность" отражает установки "спринтеров" — прагматиков, ориентированных на личный успех и высокие заработки. Они быстро реагируют на любые изменения, легко мобилизуются, но так же легко остывают или меняют свои пристрастия и мотивации. Электоральные предпочтения этих людей тоже часто меняются: вчера они поддерживали СПС, затем "Родину" или Партию пенсионеров, а сегодня — "Единую Россию". Активность для них — одна из существенных черт образа жизни. Этничность или религиозность не оказывают на их политическое поведение сколько-нибудь значимого влияния, так же как и опыт предыдущих поколений. Важная характеристика субкультуры "спринтеров" — привязанность к территориям с пониженной долей крупногородского населения. Это либо регионы, сохраняющие аграрно-индустриальный профиль экономики, либо регионы недавнего промышленного освоения, где города сложились вокруг крупных предприятий. Субкультуре "спринтеров" противостоит субкультура "стайеров". Отличительные признаки "стайеров" — выносливость, терпение, консервативность, нелюбовь к переменам, приверженность патерналистскому политическому режиму.

- 18 *Фактор "протестности"* отражает митинговую активность вкупе с низкой мобильностью и ощущением собственной беспомощности перед лицом действительности. Протест от беспомощности — это последняя возможность быть услышанными, стихийное сопротивление решениям властей. Поскольку протестное поведение носит ответный характер, отрицательные значения факторных весов, приведенные в табл. 2, не могут быть интерпретированы как противоположный тип политического поведения, пассивность или рациональное отрицание полезности стихийных уличных протестов. Скорее это указывает на отсутствие поводов для протестных действий или же на наличие иных способов разрешения и компенсации возникающих социальных противоречий.

Наконец, фактор "исламской культуры" связан с этноконфессиональным компонентом. Как и русский православный морализм, ислам опирается на такие ценности, как скромность, нетребовательность и послушание, но в отличие от православия он более позитивно ориентирован и устремлен скорее в будущее, чем в прошлое. Последователи ислама спокойно относятся к ситуации в стране, смотрят в будущее с интересом и надеждами, ощущают прилив энергии ($r=0,38$; для приверженцев православия - $r=0,14$). Чувства беспомощности и неуверенности в завтрашнем дне в гораздо большей степени свойственны верующим православным ($r=0,58$) чем верующим мусульманам ($r=0,09$)².

² К этому выводу следует относиться с осторожностью. Специфика имеющейся базы данных с информационными пробелами, касающимися северокавказских республик, предопределила невозможность выделить присутствующий в них фактор исламского фундаментализма, да и исламский традиционализм там, скорее всего, принимает иные формы.

Выделение шести основных факторов не означает, что они описывают все возможное многообразие региональных политических культур. Появление новых данных, вероятно, позволит детализировать полученную картину. Так, отсутствие достаточной социологической базы данных по Калмыкии, Бурятии и бурятским автономным округам не дает возможности говорить о влиянии буддизма на местные политические культуры. В этих условиях приходится ограничиваться утвердившимся представлением об их пассивности, управляемости и архаичности³.

Таким образом, пространство, в котором сосуществуют региональные политические культуры, можно структурировать, как минимум, по шести основным осям: 1) модернизированность/традиционность; 2) нигилизм/доверие; 3) морализм/меркантилизм; 4) активность/пассивность (патернализм); 5) протестность/конформизм; 6) наличие/отсутствие исламского фактора.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Первоначально мы предполагали, что главными признаками, объясняющими межрегиональные различия, станут модернизация и демократизация. На проверку этой гипотезы была нацелена исходная база данных. Однако факторный анализ показал, что наибольшие региональные вариации, также, как и наиболее четкая и осмысленная пространственная картина, возникают в результате воздействия третьего фактора (F3) — оппозиции *православного морализма и меркантилизма*, т.е. "вера против денег". Эпицентр морализма приходится на черноземные области России. По мере удаления от этих областей влияние морализма по всем направлениям заметно ослабевает, сменяясь за Уралом ярко выраженным прагматизмом. По этому индикатору различаются черноземные и зауральские регионы, традиционно причисляемые к "красному поясу": в одних случаях тяга к отеческому попечительству власти окрашена идеей "справедливости", в других — "выгодой".

Вторым по значимости оказался фактор, противопоставляющий *нигилизм и доверие* (F2). Третье место принадлежит *активности/пассивности* (F4), разделяющей культуру действия и культуру соглашательства. На четвертом месте — *протестность/конформизм* (F5), и только на пятом, предпоследнем, — *модернизация* (F1). Такое распределение значимости факторов объясняет, почему региональные политические культуры, исследуемые, прежде всего, с точки зрения демократизации, выглядят одновременно недифференцированными и мозаичными.

Другой важный вывод связан с многомерностью региональных политических культур и их принципиальной несводимостью к одному, пусть и доминирующему, фактору. Проведенный анализ позволил выделить регионы-ядра и их более или менее отчетливые периферийные зоны, которые в большинстве случаев перекрывались. Проявилось влияние приграничного положения, добавлявшего людям прагматизма и активности, независимо от близости к границе с Украиной, Эстонией или Китаем. Хотя в поле зрения попали чуть более половины субъектов РФ, результаты факторного анализа (см. табл. 3) представляют интерес для понимания межрегиональных различий и позволяют сгруппировать регионы со схожими политическими культурами, а также выделить регионы с уникальной политической культурой.

³ См., в частности, статью Ч.Ламажаа в данном номере.

Таблица 3

Значения факторов для регионов*

Регион	F1	F2	F3	F4	F5	F6
Москва	5,09	-0,53	0,47	-0,28	0,22	0,14
Нижегородская область	1,06	-0,53	0,77	-1,37	1,49	-0,14
Ханты-Мансийский АО	0,94	-1,14	0,61	4,62	-1,59	0,94
Калужская область	0,74	-0,14	-0,19	0,39	0,02	-0,60
Республика Карелия	0,68	0,17	-0,67	0,05	0,02	-0,48
Свердловская область	0,66	0,37	-1,11	-0,26	-0,99	0,12
Пермская область	0,61	0,25	-0,75	-1,08	-0,51	0,43
Челябинская область	0,49	0,19	-0,36	-0,14	-0,53	0,14
Хабаровский край	0,39	0,25	-0,08	1,09	1,05	-0,19
Архангельская область	0,39	0,15	-1,03	-0,75	0,20	-0,25
Новосибирская область	0,30	0,52	-0,86	-0,13	-0,54	-0,19
Приморский край	0,28	0,34	-1,46	0,60	0,28	-0,54
Ярославская область	0,19	0,46	0,16	-0,12	0,39	-0,23
Вологодская область	0,18	-0,25	-0,39	-0,80	0,85	-0,53
Иркутская область	0,08	0,75	-0,84	-0,06	0,30	-0,22
Ивановская область	0,08	0,73	0,47	-0,34	0,68	0,19
Рязанская область	0,01	0,31	1,09	-0,27	-0,76	0,11
Тульская область	-0,08	1,01	1,31	-0,06	1,62	0,47
Владимирская область	-0,09	0,95	1,02	0,04	-0,64	0,18
Сахалинская область	-0,10	0,55	-0,86	0,93	0,19	-0,34
Новгородская область	-0,11	0,49	0,58	0,31	-0,53	-0,12
Брянская область	-0,15	-0,18	0,84	-0,90	1,21	-0,35
Волгоградская область	-0,17	0,81	0,59	0,53	0,52	0,33
Липецкая область	-0,19	0,44	1,88	-0,08	-2,31	-0,34
Республика Чувашия	-0,32	-1,59	0,26	-1,05	-0,73	-1,09
Костромская область	-0,34	0,56	0,49	-0,25	-0,57	-0,06
Оренбургская область	-0,35	0,11	-0,18	-0,24	-0,05	0,31
Курганская область	-0,48	0,70	-0,63	-0,44	-1,35	-0,19
Амурская область	-0,54	0,87	-1,66	0,63	0,91	-0,31
Астраханская область	-0,55	0,38	-0,10	0,04	-0,31	2,68
Воронежская область	-0,55	0,84	1,30	-0,13	0,18	0,00
Республика Татарстан	-0,58	-3,04	-1,03	-0,80	0,46	4,35
Кировская область	-0,62	0,11	-0,16	-0,79	-0,10	0,34
Курская область	-0,62	0,41	1,52	-0,36	0,00	-0,19
Республика Марий-Эл	-0,64	-0,48	0,34	-0,36	-1,13	0,17
Еврейская АО	-0,65	-0,61	-1,01	2,13	0,33	-1,19
Тамбовская область	-0,72	-0,38	1,30	-0,50	-0,26	-0,62
Читинская область	-0,73	0,89	-2,68	-0,67	-0,79	-0,07
Республика Мордовия	-0,75	-3,16	0,67	-0,79	-1,51	-1,76
Белгородская область	-0,81	-1,36	0,42	1,02	3,37	-1,01
Алтайский край	-0,82	-0,62	-1,26	-0,02	-0,10	-1,07
Ульяновская область	-1,21	0,42	1,22	0,67	1,02	1,19

* F1 — модернизированность/традиционализм, F2 - нигилизм/доверие, F3 - морализм/меркантилизм, F4 - активность/пассивность, F5 — протестность/конформизм, F6 - ислам.

Москва — ядро "столичной" политической культуры, для которой характерен наиболее высокий уровень модернизации, индивидуализма и демократических настроений. Ее также отличают асоциальность, конформизм и морализаторство. На весах *активности/пассивности*, несмотря на относительный баланс, все-таки перевешивает пассивность. Сфера непосредственного влияния Москвы определяется ее ближайшим окружением, в которое частично входят Московская и Калужская области.

Карелия оправдывает свой статус одного из лидеров рейтинга демократичности. Политическая культура республики определяется противоречивым сочетанием модернизованности (индивидуализма) и русского традиционализма. Влияет на нее и приграничное положение. По выраженности прагматизма Карелия похожа на регионы Дальнего Востока: F3 для нее составляет "-0,68", для Сахалина — "-0,86", для Приморского края — "-1,46". Можно предположить с высокой долей вероятности, что сходные черты характеризуют соседние Мурманскую и Ленинградскую области.

Архангельская и *Вологодская* области отличаются низкой мобильностью населения. Стабильность и отсутствие перемен здесь ценятся превыше всего. Избиратель предпочитает неизменность власти, даже если она его не устраивает. Патерналистские настроения очень сильны. При этом для Архангельской области более характерна прагматичность политического поведения, а для Вологодской — протестность.

Ключевые черты политической культуры соседних *Костромской*, *Ивановской*, *Новгородской* и *Ярославской* областей — нигилизм, отрицание возможности что-либо изменить политическими средствами и тотальное недоверие власти. Нигилизм дополняется апелляциями к православным ценностям (особенно в Новгородской области и в меньшей степени — в Ярославской). Конформизм для этих территорий не характерен. Данная субкультура не является ни рациональной, ни протестной, а скорее тяготеет к патернализму.

21

Политическую культуру *Курской*, *Воронежской*, *Липецкой*, *Владимирской*, *Тульской*, *Рязанской*, *Брянской* и *Тамбовской* областей можно назвать моралистской. Современные проблемы российского общества жители этих областей связывают с упадком нравственности. Ядро политической культуры данного типа — Курская и Липецкая области, периферия — Брянская, Тамбовская, Пензенская и Ульяновская области. Население этих территорий во многом рассчитывает на поддержку государства и традиционные механизмы патернализма. Уровень циничного конформизма, подталкивающего людей голосовать за партию власти "из соображений выгоды" здесь невысок. Возможно, это и объясняет плюрализм местных законодательных собраний. Однако, победив конформизм, православный морализм остается бессильным перед нигилизмом, который получил наибольшее распространение в промышленных Тульской, Воронежской и Владимирской областях. Уровень политической рациональности и активности населения в этих областях низок, поэтому его поведение характеризуют крайности — либо уличный протест, либо полное подчинение.

Белгородская область представляет собой особый мир модернизирующегося традиционализма. Здесь на политическую культуру влияют сразу несколько внешних и внутренних факторов: коррозия традиционного аграрного общества, миграционная привлекательность, классическое противос-

тояние "индустриального севера" и "аграрного юга", новое приграничное положение. Ярко выраженный конформизм уживается на Белгородчине с не менее яркими проявлениями социальной активности и протестными настроениями. Внедряемый региональной властью православный морализм нашел у местных жителей несравнимо меньшую поддержку, чем в соседних Курской и Липецкой областях.

Довольно обширная территория в Среднем Поволжье и Предуралье находится в зоне совместного влияния *Нижнего Новгорода* и *Татарстана*. Политические культуры этих двух регионов характеризуются пассивностью и сильными проявлениями традиционализма с этническим оттенком. К сфере влияния Нижнего Новгорода относятся Кировская и Пермская области, а также республики Марий-Эл и Удмуртия. Наиболее модернизированные Нижний Новгород и Пермь демонстрируют демократические установки и настроения, которые не являются доминирующими. В Татарстане решающую роль играет исламский фактор ($F_5=4,35$) в сочетании с крайне высоким уровнем конформизма ($F_2=-3,04$). Взаимное влияние "нижегородской" и "татарстанской" политических культур проявляется в выраженном демонстрационном эффекте. Нижний Новгород способствует процессам демократизации во всем ареале, а Казань поддерживает традиционные культуры, не позволяя им исчезнуть под напором модернизации. Региональное влияние Татарстана — как образца успешного политического режима, опирающегося на традиционные устои, — в каком-то смысле оказывается действеннее, что легитимирует данную модель политического поведения. Тип политической культуры, похожий на татарстанский, характерен и для соседних республик Поволжья — Чувашии и Мордовии (несмотря на отсутствие исламского компонента).

22

В целом Поволжье предстает в чересполосице традиционных и модернизирующихся политических культур. Так, в *Астраханской* области, втором по выраженности исламского фактора регионе Поволжья, отчетливо проявляются патерналистские и традиционалистские ориентиры, но нет сильного авторитарного влияния региональной элиты. *Ульяновская* область, запаздывающая в освоении современных средств коммуникации и технических возможностей, выглядит менее модернизированной, чем соседние поволжские республики. Русский и татарский традиционализм здесь не только вполне успешно сосуществуют, но и подпитывают друг друга. Поэтому неудивительно, что доминирующим типом региональной политической культуры стал православный морализм вкупе с нигилизмом. Тем не менее, в отличие от регионов Черноземья, в Ульяновской области отчетливо проявляется активность населения. Область вошла в число регионов — лидеров протестных движений. Возможно, такое сочетание — результат сдвигов в социальной структуре населения, произошедших под влиянием индустриализации в позднесоветское время, а, возможно, сказывается близость к Самаре — столпу поволжской модернизации. *Волгоградская* область, значительно более включенная в процессы модернизации, чем Ульяновская, заражена нигилизмом, но при этом ее жители отвергают авторитаризм и демонстрируют политическую активность.

Екатеринбург оправдывает свое звание столицы Урала. Сфера его влияния на севере пересекается со сферой влияния Нижнего Новгорода, поэтому *Пермь* сочетает черты обеих региональных политических культур. На юге влияние

Екатеринбурга выражено мощнее и распространяется на *Челябинскую, Оренбургскую и Курганскую* области. Можно предположить, что в эту зону отчасти входит и *Башкирия*, испытывающая противоречивые воздействия со стороны Казани и Самары.

Основные черты уральской политической культуры — рациональность и прагматизм, нацеленность на материальный достаток и успех. Жители региона ориентируются на политическое действие в соответствии с ожидаемыми последствиями и рационально взвешивают значимость тех или иных средств достижения своих целей. Демократический, популистский или иной политический дискурс оценивается с точки зрения его выгоды для личного благосостояния. Это явно отличает Урал от старопромышленных областей Центральной России, где поведение людей в большей степени соотносится с моральными нормами и требованиями. Меркантильные устремления уральцев хорошо согласуются с их политическим мировоззрением, тогда как в Центральной России столь же сильное стремление к достатку входит в противоречие с убеждениями, вызывая зависть и раздражение.

Еще одна отличительная черта уральской политической культуры — выраженная интенция к модернизации — заметно ослабевает по мере удаления от Екатеринбурга. Как и в любом модернизирующемся обществе, снижение значимости традиционных институтов сопровождается их сопротивлением. Если в случае Нижнего Новгорода данное противоречие разрешается через рост конформизма и патерналистских настроений, то на Урале доминирующей тенденцией становятся умеренный нигилизм и поиск индивидуальных стратегий достижения успеха. Заявления о "правах" здесь резко доминируют над признанием необходимости выполнять "обязанности".

23

Ханты-Мансийский автономный округ — уникальный регион. Его политическая культура формируется под сильным влиянием всех шести факторов. Это культура активных людей, быстро реагирующих на требования жизни. Одновременно она несет в себе мощный заряд конформизма, что указывает на мобилизационный, а не гражданский характер местного сообщества. Регион хорошо обеспечен всеми современными средствами коммуникации, имеет развитую сеть авиационного сообщения, служит местом проведения международных и российских фестивалей, спортивных соревнований. Здесь активно развивается сервисная инфраструктура, реформируется система образования и здравоохранения. Другими словами, процессы модернизации и глобализации в регионе имеют конкретное материальное наполнение. Однако, как и в случае Урала, глобализация оказывает давление на локальную культуру, испытывая с ее стороны серьезное сопротивление. Этот котел противоречий не закипает только благодаря солидарности "покорителей Севера", сплоченных в достижении поставленных групповыми лидерами целей. Несмотря на высокий уровень технологической модернизации, регион остается скорее традиционным, только рождение этой традиции относится ко времени великих строек социализма.

Новосибирск — центр еще одного ареала. К сожалению, пробелы в информации не позволяют достоверно обозначить его границы. Можно предположить, что политическая культура не только соседних территорий, но и Иркутской и Читинской областей обладает схожими чертами. Ее отличают сочетание

нигилизма с меркантилизмом и расчет на патерналистскую поддержку со стороны государства. Люди не верят в возможность достижения успеха без государственной помощи. Традиционная система ценностей, опирающаяся на достаток, семью и стабильность, преобладает, мобильность населения остается низкой. Богатство служит главным индикатором успеха, хотя уровень материальных притязаний по-прежнему невысок. Манипуляция меркантильными интересами позволяет управлять политическим поведением людей. *Читинская* область, фигурирующая во всех классификациях как аутсайдер [Индекс качества жизни 2005; Индекс инновативности 2005], может служить своего рода моделью политической культуры данного типа, для которой характерна причудливая смесь нигилизма, меркантильности, пассивности и безразличия к тому, что происходит в стране. Вместе с тем "отсутствие" государства воспринимается здесь как негативное явление, дискурс об *обязанностях* доминирует над дискурсом о *правах*. По мере удаления от центральных районов и продвижения на восток доля сторонников авторитаризма сокращается: люди начинают осознавать, что сильная, но удаленная централизованная власть не способна решить местные проблемы.

Алтайский край на этом фоне — заповедник спокойного, традиционного и уравновешенного конформизма, хотя здесь также проявляется ощущение оторванности и изолированности, характерное для соседних регионов Сибири и Дальнего Востока.

24 Наконец, в *Хабаровском и Приморском краях, Сахалинской и Амурской областях, Еврейской автономной области*, которые напрямую зависят от федеральных дотаций, в равной степени выражены патерналистские настроения и безразличие к действиям центральных властей. Политическая культура Дальнего Востока поляризована по фактору *активность/пассивность*. Ее отличают прагматизм и ориентация на различные источники преуспевания — от поддержки государства до стратегий индивидуального благополучия.

* * *

Основные выводы, которые можно сделать из проведенного анализа, являются скорее установками на будущие исследования, чем подведением итогов.

1. Особенности региональных политических культур связаны не только с положением регионов на шкале модернизации или с их этнокультурными характеристиками, но и со всем совокупным историческим опытом людей, проживающих на этих территориях. Глубинные пласты общественного сознания, как показывает факторный анализ, оказываются не менее существенными, чем современные сдвиги.

2. Использование "центр-периферийных" отношений в качестве объяснительной модели при анализе установок, убеждений и ценностных ориентации локальных политических сообществ вскрывает лишь часть проблем. Не менее важны фактор "соседства", приграничное положение, близость успешных или депрессивных регионов.

3. Нельзя отождествлять отсутствие приверженности определенной политической идеологии с отсутствием убеждений. Именно моральные убеждения, ради которых люди способны жертвовать своими эгоистическими желаниями, а не только степень пассивности и верноподданничества, порож-

дают межрегиональные различия, хотя эти убеждения зачастую далеки от демократических идеалов.

4. Чтобы составить более точные портреты региональных политических культур, необходимо расширить информационную базу за счет привлечения более детальной географической информации, учитывающей положение региона в системе сетевых взаимоотношений.

Ахиезер А. 2002. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (историко-культурное исследование). — *Pro et Contra*, т. 7, № 3.

Вишневский А. 1998. *Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР*. М.: ОГИ.

Всероссийская перепись населения 2002 года. 2004. —

<http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

Выборы-2003: Загадка регионов. 2003. Центр политических технологий. —

http://www.politcom.ru/2003/obsh_vibor3.php

Гельман В. 2000. Политическая культура, массовое участие и электоральное поведение. — *Политическая социология и современная российская политика*. СПб.

ГеоРейтинг. 2003-2005. Фонд "Общественное мнение". —

<http://bd.fom.ru/report/map/georating>

Глубоцкий А., Кынев А. 2003. Опыт смешанных выборов в российских регионах. — *Полис*, № 2.

Голосов Г. 2001. Измерения российских региональных избирательных систем. —

Полис, № 4.

Голосов Г. 2006. Политические партии на региональных выборах. Ч. I-IX. —

<http://www.apn.ru/authors/publications415.htm?page=1>

Индекс инновативности 2005. — *Зубаревич Н. Социальный атлас российских регионов. Интегральные индексы. Независимый институт социальной политики.* —

http://atlas.socpol.ru/indexes/index_innov.shtml

Индекс качества жизни 2005. — *Зубаревич Н. Социальный атлас российских регионов. Интегральные индексы. Независимый институт социальной политики.* —

http://atlas.socpol.ru/indexes/index_life.shtml

Ионин Л. 2005. Технологии города Глухова. — *Русский журнал*, 07.02:

http://russ.ru/politics/docs/tehnologii_goroda_glupova

Кертман Г. 2006. Межличностное доверие в России. — *Социальная реальность*, № 4.

Колосов В., Бородулина Н. 2004. Электоральные предпочтения избирателей крупных городов России: типы и устойчивость. — *Полис*, № 5.

Кынев А. 2004а. Региональные выборы 2003-2004 годов в Российской Федерации: основные тенденции. — *Интернет-мониторинг выборов 2003-2004 годов в России*. Т. 1. М.

Кынев А. 2004б. Переход к смешанным выборам в регионах: "принудительная трансформация". — *Полис*, № 2.

Кынев А. 2005. Выборы региональных законодательных собраний конца 2004 - начала 2005 года: избиратель ждет нового электорального предложения. — *Полис*, № 3.

Кынев А, Любарев А. 2003. Новые региональные законы о выборах: проблемы введения смешанной избирательной системы. — *Право и жизнь*, № 9.

Левада Ю. 2000. *Человек ограниченный: уровни и рамки притязаний. От мнения к пониманию*. М.: Московская школа политических исследований.

Орешкин Д. 2001. География электоральной культуры и цельность России. —

Полис, № 1.

Орешкин Д., Орешкина Д. 2006. География электоральной культуры России. —

Общественные науки и современность, № 5.

Оуэн Н., Сникер Дж., Фадеева Л. 2000. Политическая культура. - *Россия и Британия в поисках достойного правления. Учебное пособие*/ Под общ. ред. И.Кириянова, Н.Оуэна и Дж.Сникера. Пермь: ПГУ.

Петров Н. 1995. Выборы органов представительной власти. — *МЭиМО*, № 3.

- Петров Н., Титкова А. *Электоральный ландшафт России*. 4. 1,1. 2001. Московский центр Карнеги.
- Петров Н., Титкова А. 2001. *Электоральный ландшафт. Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы*. М.: УРСС.
- Петров Н., Титков А. 2004. Региональная палитра электорального поведения. - *Демоскоп Weekly*, № 159-160, 24.05-06.06: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0159/tema01.php>
- Петров Н.В., Титков А.С. 2005. Индекс демократичности. - *Зубаревич Н. Социальный атлас российских регионов. Интегральные индексы. Независимый институт социальной политики*. — http://atlas.socpol.ru/indexes/index_democr.shtml
- Пивоваров Ю. 2002. Русская политическая культура и *political culture*. — *Pro et Contra*, т. 7, № 3.
- Рукавишников В. 2000. Посткоммунизм по-русски. - *Мир России*, № 2.
- Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. 1998. *Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения*. М.: Совпадение.
- Собянин А.А., Суховольский В.Г. 1995. Демократия, ограниченная фальсификациями: Выборы и референдумы в России в 1991-1993 гг. Институт прав человека. - <http://www.hrighs.ru/text/sob>
- Туровский Р. 2002. Региональные аспекты общероссийских выборов. — *Второй электоральный цикл в России (1999-2000гг.)*. М.: Весь мир.
- Туровский Р. 2005-2006. Концептуальная электоральная карта постсоветской России. — *Полития*, № 4, зима.
- Фишман М. 2001. Модель управляемой демократии и выборы. — http://www.democracy.ru/library/practice/media/media_in_regelect_2001/page7.html
- Almond G. A., Verba S. 1989 [1963]. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Sage Publications.
- Inglehart R. 1990. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton (N.J.).
- Rotberg R. 1999. Social Capital and Political Culture in Africa, America, Australasia, and Europe. — *Journal of Interdisciplinary History*, vol. 29, № 3.